

Андрей ГРОЗИН

ТУРКМЕНО-КИТАЙСКОЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО В УСЛОВИЯХ МИРОВОЙ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Дата поступления в редакцию: 17.07.2023.

Для цитирования: Грозин А. В., 2023. Туркмено-китайское энергетическое партнерство в условиях мировой геоэкономической турбулентности. – Геоэкономика энергетики. № 3 (23). С. 64–84. DOI: 10.48137/26870703_2023_23_3_64

В статье рассматривается текущая ситуация во внутривнутриполитической и экономической сферах Туркменистана. Оценивается состояние туркмено-китайского сотрудничества в газовой сфере, а также роль и место Туркменистана в центральноазиатской энергетической системе. Начавшиеся трансформации континентальной системы транспортировки энергоресурсов, старт создания неформального газового союза по транспортировке российского газа в Азию создают для туркменского руководства кардинально новую ситуацию и возможности как для углубления сложившихся экономических связей, так и для реализации новых возможностей диверсификации экспорта. В условиях роста мировой геополитической и геоэкономической напряженности Ашхабад сталкивается с необходимостью принятия важных внешнеэкономических решений уже в самом ближайшем будущем.

Туркменистан, являясь ключевым для Центральной Азии (ЦА) государством по объемам природного газа, большую часть лет суверенного существования затратил на расширение и укрепление энергетического сотруд-

ГРОЗИН Андрей Валентинович, кандидат исторических наук, заведующий отделом Средней Азии и Казахстана Института стран СНГ, старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук. Адрес: Российская Федерация, г. Химки, 141410, пр. Мельникова, д. 2/1. E-mail: andgrozin@yandex.ru. SPIN-код: 5621-8571

Ключевые слова: Туркменистан, Китай, Центральная Азия, Россия, газ, трубопроводы, экспорт.

ничества с Китайской Народной Республикой (КНР). Эти усилия привели к тому, что топливно-энергетический комплекс (ТЭК) страны стал основным поставщиком трубопроводного газа для китайской экономики, а односторонняя зависимость от единственного крупного экспортера (80 % туркменского газа закупается Китаем) укрепились настолько, что снизить ее в настоящее время не представляется возможным. В то же время у республики сложилась односторонняя зависимость от единственного экспортного продукта: углеводороды (УВ) составляют 93 % туркменского экспорта, 83 % из них приходится на природный газ [Белухин, 2021].

Текущая внутривнутриполитическая и социально-экономическая ситуация

Для Туркменистана в прошлом, 2022 г. основным событием стал формальный старт транзита власти: 12 февраля Гурбангулы Бердымухамедов объявил о сложении президентских полномочий. Преемником стал его сын Сердар Бердымухамедов, который на тот момент занимал пост вице-премьера по финансово-экономическому сектору и курировал состояние нефтегазовой отрасли страны. Транзит подкреплялся курирующей ролью Бердымухамедова-старшего, занявшего пост председателя верхней палаты Милли Генгаша (парламента) и принявшего пожизненный статус лидера нации [Панфилова, 2023]. Соседи и, шире говоря, мировые игроки восприняли смену власти в республике очень спокойно: все понимали, что имеют дело не со сменой лидера, а с созданием более удобной формы продолжения руководства страной для Бердымухамедова-старшего.

Сердар четко придерживается выстроенного отцом курса, и ни о какой (даже имитационно-верхушечной) «либерализации» нет и речи. Любые реформы выглядят маловероятными, более вероятным на среднесрочный период является курс на консервацию политической и экономической систем. В начале 2023 г. в Туркменистане был воссоздан ранее упраздненный высший орган народовластия — халк маслахаты (народный совет) с формально более широкими полномочиями, чем ранее. Возглавил его экс-президент Гурбангулы Бердымухамедов.

26 марта 2023 г. состоялись выборы в парламент, а также в местные органы власти всех областей и районов страны. Число зарегистрированных избирателей составило 3 млн 496 тыс. 475 (население страны, по официальным данным, — 6,2 млн человек)¹. Еще до проведения выборов Бердымухамедов-старший предложил наделить халк маслахаты (ХМ) практически неограниченными полномочиями. В ведение ХМ отдано внесение изме-

¹ В Туркмении проходят выборы в парламент, явка высокая // <https://easaily.com/ru/news/2023/03/26/v-turkmenii-prohodyat-vybory-v-parlament-yavka-vysokaya>, дата обращения 26.06.2023.

нений в Конституцию; вопросы внутренней и внешней политики, а также программы политического, экономического, социального и культурного развития; вся тематика безопасности. Абсолютная власть в стране и де-юре, и де-факто сконцентрирована в руках Гурбангулы Бердымухамедова.

Практика кадровой политики остается неизменной: и при Сердаре чиновники ротируются с той же частотой, что и при его отце. В частности, последние крупные перестановки в правительстве состоялись в феврале, а затем — летом текущего года. Особое внимание при этом уделяется отраслям, связанным с экономикой и инфраструктурой. Последние назначения в топливно-энергетической сфере страны совпали с артикуляцией официальным Ашхабадом намерений общей активизации внутренних и внешних проектов в нефтегазовом секторе. За это направление назначен отвечать новый вице-министр правительства Ашыргулы Беглиев. Президент обозначил основные задачи новому вице-премьеру по ТЭК: ускорить разработку группы газовых месторождений Галкыныш, привлечь иностранные компании к освоению акватории Каспия, обеспечить надежное снабжение газом для внутренних и внешних потребителей [Беличков, 2023b]. Впрочем, по факту вице-премьер по ТЭК является в Туркменистане обычным и часто заменяемым исполнителем, одним из топ-менеджеров политики, ключевые решения в которой принимают отец и сын Бердымухамедовы.

Общая информационная закрытость страны в совокупности с явно недостоверной и фрагментарной официальной статистикой осложняют оценку ситуации в экономике и социальной сфере Туркменистана. Однако мало у кого из наблюдателей вызывает сомнение то, что односторонняя зависимость от ключевого экспортера газа, многочисленные дисбалансы и неоправданные решения правительства и нерациональное расходование средств привели экономику государства в крайне неустойчивое состояние.

В Туркменистане уже много лет существует два курса валюты — официальный, установленный Центробанком, и курс черного рынка. Центробанк удерживает официальный курс валюты на уровне 3,5 маната за 1 доллар. На черном рынке стоимость американской валюты росла до осени 2022 г. В 2020 г. курс на черном рынке составлял около 23 манатов за 1 доллар. С тех пор он испытывал колебания и к концу 2022 г. составлял 18–19 манатов за 1 доллар² при неизменном официальном курсе 3,5 маната за 1 доллар.

Торговля углеводородами с КНР, являющейся с 2016 г. основным покупателем туркменского газа, не была ощутимо прибыльной: значительная доля доходов от экспорта много лет шла в счет погашения долгов по китайским кредитам. Помимо Китая, весомыми покупателями туркменско-

² Курс доллара на черном рынке Ашхабада снизился после поручения Г. Бердымухамедова обеспечить конвертацию маната // <https://www.hronikatm.com/2022/11/2022-11-26-exchange-rate/>, дата обращения 27.06.2023.

го газа сейчас остаются Россия, Иран, а в последнее время — и страны ЦА. Ашхабад, стремящийся ослабить зависимость от единственного покупателя, формально заинтересован в диверсификации поставок и поиске новых маршрутов [Воловик, 2023].

При этом граждане Туркменистана традиционно не демонстрируют заметной гражданской активности, однако руководство страны, вероятно, не уверено в том, что ему удастся сохранить контроль в случае неимитационного форс-мажора. В 2020 г., на пике необъявленного кризиса с эпидемией коронавируса в стране, впервые отмечались маломасштабные и изолированные акции спонтанного массового гражданского недовольства в разных частях страны из-за нехватки субсидированных продуктов через систему государственных магазинов и постоянно растущих цен на продукты. В июне-июле 2023 г. появились утверждения (официально опровергнутые, что крайне необычно для страны) о неудачной попытке мятежа в республике.

Как считает оппозиционно ориентированный туркменский политолог Рустам Мухамедов, «заинтересованность Туркменистана в восстановлении отношений с Россией продиктована экономическими потребностями. Страна переживает самый острый экономический и финансовый кризис в своей независимой истории, который возник в результате целого ряда факторов: падения мировых цен на углеводороды, потери зарубежных заказчиков газа и массового нецелевого использования государственных средств на тщеславные проекты» [Мухамедов, 2021].

В результате испытывающий существенные финансовые трудности политический режим был вынужден сократить бесплатное предоставление некоторых ранее существовавших коммунальных услуг, которые были «столпами» неофициального социального контракта с населением, и столкнулся с нехваткой продуктов питания, что даже привело к некоторым эпизодическим протестам в разных частях страны.

Свой первый официальный визит новый президент Туркменистана Сердар Бердымухамедов совершил 10 июня 2022 г. в Москву. Как было заявлено, в ходе переговоров с президентом Владимиром Путиным обсуждались вопросы развития сотрудничества двух стран в политической, торгово-экономической и гуманитарной сферах, а также актуальные региональные и международные темы. Была подписана декларация об углублении стратегического партнерства между двумя странами. В. Путин вручил новому президенту Туркменистана орден Дружбы «за большой вклад и укрепление стратегического партнерства» между Туркменистаном и Россией [Саенко, 2022].

Возобновление импорта туркменского газа ПАО «Газпром» смягчило финансовые сложности в стране. В 2019 г. Газпром возобновил импорт газа из Туркменистана, подписав пятилетний контракт на поставку 5,5 млрд куб. м. Официальные данные по ценовым параметрам сделки не обнародованы.

В целом острота хронического социально-экономического кризиса в 2022 г. и в текущем году снизилась благодаря росту бюджетных доходов ввиду роста мировых цен на природный газ. В преддверии и в ходе транзита власти руководство Туркменистана, по оценкам экспертов, привлекло значительные дополнительные ресурсы в социальную сферу (в первую очередь на закупки продовольствия [Айтаков, 2022]).

Кризисные социально-экономические явления и фактор внутриафганского противостояния, способный быстро создать прямую угрозу для Туркменистана, остаются главными проблемами властей страны. В 2022 г. представители «Талибана»^{*} заявляли, что с момента их прихода к власти в Афганистане с территории страны в отношении соседей угрозы не исходят. Тем не менее в феврале 2022 г. начальник Объединенного штаба ОДКБ Анатолий Сидоров сообщил, что на таджикско-афганской границе сконцентрировались около 4 тыс. боевиков т. н. «Исламского государства»^{*3}. Туркмено-афганский участок границы пока выглядит относительно спокойно, довольно существенная экономическая помощь со стороны Ашхабада населению афганского приграничья пока сдерживает проявление существенной угрозы на этом направлении. Однако динамика процессов на территории Афганистана остается крайне высокой, а ситуация труднопрогнозируема даже в краткосрочной перспективе.

В то же время общемировая тенденция роста цен на природный газ создает в целом благоприятные предпосылки для смягчения последствий хронического кризиса для туркменской экономики и социальной сферы.

Место Туркменистана в энергетической политике КНР

Пекин уже более десятилетия остается для Ашхабада ключевым внешнеэкономическим партнером и ведущим инвестором. На недавней XXVII Международной конференции и выставке «Нефть и Газ Туркменистана – 2022» (OGT-2022), состоявшейся 26–28 октября 2022 г., в выступлениях туркменских участников отмечалось, что с 2009 г. поставки природного газа из Туркменистана в Китай превысили 340 млрд куб. м⁴. Стоит отметить, что надежных данных о масштабах туркменского экспорта нет, а международные структуры и эксперты неоднократно указывали на то, что официальная статистика Туркменистана не слишком надежна [Хвостова, 2023].

³ «Мы готовы к любой угрозе». Ответ главы МВД Таджикистана на угрозу нападения боевиков из Афганистана // <https://payom.net/ru/my-gotovy-k-ljuboj-ugroze-otvet-glavy-mvd-tadzhikistana-na-ugrozu-napadenija-boevikov-iz-afganistana/>, дата обращения 27.06.2023.

⁴ Туркменистан подтвердил статус мировой энергетической державы // <https://centralasia.news/17841-turkmenistan-podtverdil-status-mirovoj-energeticheskoy-derzhavy.html>, дата обращения 07.06.2023.

^{*} Организация признана экстремистской, и ее деятельность запрещена на территории РФ.

Как отмечает директор по исследованиям «ВЫГОН Консалтинг» Мария Белова, в настоящее время «Китай 43 % своих потребностей в газе покрывает за счет импорта. Из 156 млрд куб. м поступившего в страну в 2021 г. газа 34 % было доставлено по трубопроводам из Туркменистана, Мьянмы, России, Казахстана и Узбекистана (страны расположены в порядке убывания объемов экспорта в Поднебесную). Крупнейшими поставщиками сжиженного природного газа в Китай являются Австралия, Катар, США и Малайзия» [Матяшова, 2023].

При этом значимым фактором является то, что приведенные цифры характеризуют ситуацию в КНР в период жестких коронавирусных ограничений, сказавшихся на значительном сокращении энергопотребления китайской промышленности и транспорта. По итогам 2022 г. ВВП Китая вырос на 3 %, что, за вычетом периода начала пандемии *COVID-19* в 2020 г., стало худшим показателем за последние 40 лет. В 2022 г. именно ситуация в КНР затормозила рост мирового энергетического рынка и значительно надавила на цены, которые в прошлом году достигли рекордных показателей. Если бы потребление в КНР росло обычными темпами, эти показатели были бы еще выше, а дефицит углеводородов — значительнее.

Теперь, по мере постепенного преодоления экономикой Китая последствий жестких локдаунов 2020–2022 гг., по мере роста спроса на газ в КНР будет увеличиваться потребность в импорте.

Китай остается одним из крупнейших мировых потребителей УВ. По потреблению природного газа КНР на третьем месте в мире, но, в отличие от первых двух (США и РФ), является чистым импортером газа. Также Китай много лет занимает второе место в мире по импорту СПГ, периодически выходя на первое место по импорту и обгоняя Японию. За последнее пятилетие объем потребления газа в КНР в среднем демонстрирует ежегодный прирост на 10–15 %.

Хотя растет внутреннее производство (в первой половине 2022 г. добыча газа в стране увеличилась на 6,2 % по сравнению с аналогичным периодом 2021 г. и составила 74,7 млрд куб. м⁵), спрос увеличивается быстрее. Численность населения в газифицированных домах выросла со 170 млн в 2010 г. до 480 млн в 2020 г. В 2021 г. доля импорта в общем потреблении газа составила 45 % против 34 % в 2016 г. [Мигунов, 2023]. Усугубляет ситуацию и заявленный властями КНР стратегический курс на достижение к 2060 г. климатической нейтральности и общую декарбонизацию (в первую очередь отказ от угольной энергогенерации), что автоматически ведет к росту потребления газа для замещения выбывающих мощностей.

⁵ Добыча нефти в Китае в январе-апреле 2022 г. выросла на 4,3 %, газа — на 6,2 % // https://etpgpb.ru/posts/23211-dobycha_nefti_v_kitae_v_yanvare-aprele_2022_g_vyroslo_na_43_gaza_-_na_62/, дата обращения 05.06.2023.

При этом руководство Китая планирует к 2025 г. достичь 20 % доли ВИЭ в национальном энергобалансе. Существуют серьезные сомнения, что Пекин сможет выдержать заявленные темпы, но, если данная стратегия не будет скорректирована, возникнет проблема — сохранится ли линейный рост потребностей КНР в газовом импорте из ЦА, а также масштабы китайского участия в реализации новых инфраструктурных проектов в сфере ТЭК региона.

В любом случае в указанных условиях фактор газа Туркменистана имеет для Пекина особое значение.

5—6 января 2023 г., накануне резкого похолодания в ЦА и перебоев с поставками газа, состоялся первый на посту президента визит Сердара Бердымухамедова в Китай, официально приуроченный к 31-й годовщине со дня установления дипломатических отношений между Туркменистаном и КНР. 6 января Бердымухамедов-младший встретился с председателем КНР Си Цзиньпином в Доме народных собраний.

Как сообщается, «президент Туркменистана подчеркнул, что важнейшим приоритетом сотрудничества Туркменистана и КНР является топливно-энергетическая сфера. Сердар Бердымухамедов отметил, что сегодня стороны работают над вопросами увеличения объемов поставок газа из Туркменистана в Китай с учетом возрастающих потребностей китайской экономики и возможностей ресурсной базы Туркменистана. В этой связи идет процесс предметного обсуждения проекта строительства четвертой линии газопровода Туркменистан — Китай (ветка *Д*. — Прим. авт.). Туркменский лидер также отметил, что его страна совместно с партнерами создает разветвленную сеть транспортно-транзитной и логистической инфраструктуры комбинированного типа по линиям Восток — Запад и Север — Юг. В перспективе она будет включать в себя транзитные коридоры, выходящие на регионы Каспийского моря, Черноморского бассейна, Балтии. Это открывает оптимальный сухопутный путь для выхода китайских товаров на европейские и ближневосточные рынки через территорию Центральной Азии из Азиатско-Тихоокеанского региона» [Кондратьев, 2023].

Туркменистан остается крупнейшим поставщиком природного газа по трубопроводу в КНР. Только в 2021 г. он экспортировал по газопроводу в соседнюю страну порядка 34 млрд куб. м. Ашхабад обеспечивает поставку до 80 % газа по этой сети [Нургожаев, 2023] (остальной объем приходится на долю Ташкента и Астаны). Пропускная способность газопровода в настоящее время оценивается экспертами примерно в 55 млрд куб. м в год.

По итогам визита Сердара Бердымухамедова в КНР было заявлено, что планируемый объем поставок по трубопроводу стороны намерены вскоре довести до 65 млрд куб. м в год, но о новом практическом контуре инициативы информации пока нет.

Эксперт в сфере энергетики Борис Марцинкевич указывает на то, что емкость китайского энергетического рынка очень велика и Туркмениста-

ну, России и Казахстану с Узбекистаном было бы выгодно проводить в отношении Пекина согласованную политику. В то же время эксперт в начале осени 2022 г. полагал, что Туркменистан сможет несколько нарастить поставки газа в КНР, но «точно не в обозримой перспективе... Тот факт, что Узбекистан превратился из экспортера природного газа в импортера (за первый квартал 2023 г. импорт газа в Узбекистан превысил экспорт в 5,5 раза. В январе, феврале и марте страна приобрела топлива на 152,9 млн долл., а продала — на 27,8 млн долл. Стоимость импортированного в первые три месяца 2023 г. газа составила больше половины от стоимости газового импорта за весь 2022 г.⁶) означает освобождение транзитных мощностей у магистрального газопровода Центральная Азия — Китай, по которому общий объем поставок в 2019 г. составил 55 млрд куб. м газа, из них 12 млрд раньше поставлял Узбекистан». Б. Марцинкевич задался вопросом: что выгодней для Ашхабада — «проводить переговоры с Газпромом о транзите поставок на Украину либо (для этого никаких усилий и не требуется) по уже имеющемуся маршруту увеличить объем поставок в РУз и КНР? Мне кажется, что туркмены выберут второй вариант. При таком развитии событий «Туркменгаз» (ГК *Türkmengaz.* — Прим. авт.) сможет поставлять 5–6 млрд куб. м в Узбекистан и еще дополнительные 12 млрд куб. м в Китай. Кроме того, есть ведь подписанное соглашение по проекту газопровода ТАПИ (Туркменистан — Афганистан — Пакистан — Индия). По заявлению Ашхабада, туркменский участок газопровода уже готов, и, если в Афганистане стабилизируется обстановка, ТАПИ можно будет продолжать строить и там» [*Погребняк*, 2023]. Проектная мощность ТАПИ, согласно туркменским официальным заявлениям, составляет «до 33 млрд куб. м»⁷ газа в год.

Отдельной темой туркмено-китайского сотрудничества в газовой сфере остается ситуация с погашением Ашхабадом кредитов, полученных ранее от Пекина. В июне 2021 г. туркменское правительство объявило, что оно «полностью погасило долг» перед КНР на строительство газопровода Туркменистан — Китай и разработку месторождения Галкыныш. Точные сроки выплаты и суммы кредитов Туркменистана Банку Китая не сообщались, но официальные туркменские СМИ в марте 2021 г. сообщали, что под строительство трубопровода было привлечено около 8,1 млрд долл.⁸ Однако какую сумму погасила туркменская сторона — неясно. По мнению

⁶ Узбекистан превращается из экспортера топлива в импортера // <https://ia-centr.ru/publications/uzbekistan-prevrashchaetsya-iz-eksportyera-topлива-v-importyera/>, дата обращения 24.05.2023.

⁷ Туркменистан опередил Россию по объему поставок газа в Китай с начала года // <https://www.atawatan-turkmenistan.com/ru/туркменистан-опередил-россию-по-объё/>, дата обращения 27.05.2023.

⁸ Туркменистан погасил кредиты Китая на более \$8 млрд // <https://turkmenportal.com/blog/37343/turkmenistan-pogasil-kredity-kitaya-na-bolee--8-mlrd>, дата обращения 12.06.2023.

ряда экспертов, это может быть 8 или 10 млрд долл. либо данный кредит вообще не погашен.

Стремление к диверсификации экспорта Ашхабадом объясняется не в последнюю очередь желанием туркменской стороны увеличить получаемые доходы от сырьевого экспорта. Первичные договоренности с КНР были заключены по ценам значительно ниже рыночных в связи с условиями контракта: газопровод строили китайские фирмы с использованием китайских технологий и специалистов. Участие Туркмении заключалось в предоставлении возможности добывать газ на своей территории. Ашхабаду хотелось бы «подтянуть» цены на свои УВ в текущих условиях.

Сказывается общая традиция ведения дел Китаем с ориентацией на максимально приемлемые для него условия. Применительно к продолжительным переговорам Москвы и Пекина по «Силе Сибири – 2» заместитель генерального директора по газовым проблемам Фонда национальной энергетической безопасности (ФНЭБ) Алексей Гривач так обозначил эту особенность: «Китай, возможно, считает, что ему торопиться некуда и в условиях конфронтации Европы с Россией этот газ от него не уйдет, а пауза позволит получить более привлекательные условия». В отношении сделок в других регионах, в том числе в ЦА, практика КНР ничем не отличается. Кроме того, КНР старается придерживаться практики заключения пакетных соглашений, включающих в сделку по поставке сырья также обучение кадров, поставки техники и технологий. В результате конечная цена на сырье входит в сложную зависимость от множества других составляющих всего пакета договоренностей.

Роль Туркменистана в региональной энергетической системе

Морозы января 2023 г. привели к нехватке газа и массовым сбоям поставок в Центральной Азии. Проблемы коснулись и Ирана, который из-за остановки поставок газа из Туркменистана был вынужден резко снизить экспорт в Турцию (по данным аналитика *ICIS* Тома Марзек-Мансера, импорт в Турцию тогда упал на 70 %), перенаправив топливо в северные иранские провинции. Остановка поставок из Туркмении объяснялась тем, что морозы привели к образованию гидратов во внутрипромысловых газопроводах месторождения Галкыныш. Однако в Тегеране рассматривали ситуацию иначе: министр нефти ИРИ Джавад Оуджи заявил, что Ашхабад нарушил своп-контракт (на поставки газа Азербайджану), чтобы удовлетворить резко возросший внутренний спрос. Появилась информация также и о снижении поставок туркменского газа в КНР.

В целом на фоне небывалых морозов в ЦА положение в энергетике ведущих стран региона несколько недель было весьма драматическим. Можно утверждать, что стресс-тест, вызванный аномальными холодами, энергосистема региона не прошла.

12 января стало известно о том, что из-за аварии, вызванной морозом, Ашхабад приостановил поставки газа (16 млн куб. м в сутки) в Узбекистан. В республике начались отключения электроэнергии и газа, в то время как температура в ночное время опускалась ниже -25°C . Узбекистан заявил о полном запрете экспорта сжиженного газа, а с 12 января Министерство энергетики РУз ограничило поставки газа ряду крупных промышленных предприятий и автозаправкам республики.

Поставки туркменского газа внешним потребителям начали восстанавливаться только после 21 января.

Как пишет российский эксперт Дарья Чиждова, «несмотря на то что у Киргизии и Туркменистана ситуация с голубым топливом более стабильная, в Центральной Азии очевидно назревает новый виток энергетического кризиса. Проблемы энергетической безопасности в Центральной Азии имеют комплексный характер: даже несмотря на то, что три из пяти стран региона обладают значительными запасами нефтегазовых ресурсов, а Казахстан — один из крупнейших мировых поставщиков угля, у всех не хватает собственных мощностей для обеспечения потребностей внутренних энергетических рынков, особенно в зимний период. Казахстан и Узбекистан заявили о планах строительства атомной электростанции, но в настоящий момент газ, уголь и вода — три основных источника электроэнергии для стран региона» [Чиждова, 2023].

Стоит напомнить, что именно выход Туркменистана из Центральноазиатского энергетического кольца дал старт обвальному распаду некогда единой региональной энергетической системы и началом ее дробления на обособленные «национальные» узлы.

Благодаря значительным запасам природного газа Ашхабад сумел создать, вероятно, самую успешную в регионе суверенную энергетическую систему. По мнению туркменского эксперта Валентина Трапезникова, «в целом газопроводная сеть нашей страны уже сейчас позволяет экспортировать более 110 миллиардов кубометров газа»⁹. Впрочем, подобные утверждения выглядят достаточно сомнительными (как и многие иные официальные утверждения туркменской стороны).

Недавно туркменские власти заявили о намерении начать строительство первого в республике подземного хранилища природного газа (ПХГ), что для стран региона видится источником решения многих актуальных энергетических проблем. Строительство ПХГ — одно из направлений совместной работы, предложенной Туркменистану ПАО «Газпром». Крупные ПХГ необходимы туркменскому руководству как с точки зрения оптимизации внутреннего пользования, так и для аккумуляции ресурса для экспортных поставок.

⁹ Туркменистан подтвердил статус мировой энергетической державы // <https://centralasia.news/17841-turkmenistan-podtverdil-status-mirovoj-jenergeticheskoy-derzhavy.html>, дата обращения 07.06.2023.

В то же время все в регионе ЦА понимают, что приоритетным для Ашхабада остается (и останется как минимум в среднесрочной перспективе) экспорт в Китай, на чью долю приходится не менее 70–75 % текущего туркменского газового экспорта. В рамках стратегии диверсификации экспорта туркменское руководство заинтересовано в новых рынках сбыта, но эта заинтересованность с 2016 г. никак не реализовалась. Более того, с 2017 по 2019 г. КНР была единственным покупателем туркменского природного газа. Возможности альтернативных газопроводов под туркменское сырье (ТАПИ, Транскаспий) сейчас смотрятся ничуть не лучше, чем они же смотрелись 10 или 20 лет назад.

Ввиду этого Ашхабад в последние годы начал более внимательно рассматривать поставки в соседние страны ЦА. Было заключено соглашение о поставках туркменского газа в Узбекистан для смягчения ожидаемого в зимний период дефицита. Однако кризис января 2022 г. продемонстрировал не только технологические проблемы туркменского ТЭК, но и недостаточную надежность существующих на сегодняшний день внутрирегиональных энергетических связей. Например, как указывает известный узбекский политолог, директор Центра исследовательских инициатив Ман’о Бахтиер Эргашев, «доказанные запасы газа в Узбекистане не растут. Более того, зафиксировано плавное снижение объемов добычи газа. При этом увеличивается численность населения, соответственно растут и запросы на потребление природного газа, и это долгосрочная тенденция. В этих условиях Ташкент должен будет принять стратегическое решение по газу. Уже два года Узбекистан покупает природный газ у Туркменистана. Но дело в том, что это очень капризный поставщик. Кроме этого, весь туркменский газ уходит в Китай, который выходит на практическую реализацию четвертой трубы газопровода Туркменистан – Китай. Поэтому Узбекистан будет всегда в очереди вторым. Узбекистану жизненно важно найти новые источники поступления природного газа с возможностью его увеличения. Единственный вариант – это Россия» [Качелин, 2023].

Российские эксперты отмечают и существующие ограничения инфраструктурного характера, препятствующие расширению туркменского газового экспорта: «Мощности трех веток трубопровода «Центральная Азия – Китай» выбраны почти полностью (40–50 млрд куб. м). Строительство линии D, четвертой ветки газопровода (Туркменистан – Узбекистан – Таджикистан – Киргизия – Китай), анонсированное еще в 2013 г. и запланированное к завершению к 2020 г., отложено на неопределенный срок» [Чижова, 2023].

Региональный энергетический кризис января 2023 г. и предшествовавший ему последние два года ряд масштабных блэкаутов, в разной мере затронувших все страны ЦА, актуализировали вопрос о необходимости скорейшей общей переконфигурации региональной энергетической системы.

На фоне вышеозначенных проблем предложенная Москвой идея строительства газового союза по транспортировке российского газа в Азию выглядит для стран ЦА достаточно привлекательной. Первичной материальной основой этого неформального объединения может быть уже существующая инфраструктура в виде четырехниточного магистрального газопровода Средняя Азия — Центр, проходящего по территории Туркменистана, Узбекистана, Казахстана и России, с пропускной способностью 80 млрд куб. м¹⁰ в год, а также газопровод Бухара — Урал.

Российская заинтересованность в проекте союза поставщиков газа продиктована не только геоэкономическими потребностями, актуализировавшимися после снижения объемов поставок УВ на Запад, но и сугубо коммерческим интересом: долгосрочный проект континентального масштаба предполагает существенную материальную выгоду.

Астана, участвуя в союзе, получает возможность коренной модернизации своей газотранспортной системы и газификации Центрального и Северо-Восточного Казахстана.

Ташкент в качестве основной преференции от проекта получает решение вопроса с прогрессирующим дефицитом природного газа для внутреннего рынка и экспорта.

Тематика объединения в газовой сфере особо актуальна для Казахстана и Узбекистана, поскольку республики, помимо решения сходных тактических задач (модернизация инфраструктуры, газификация регионов, выстраивание системы защиты от кризисов, связанных с текущим дефицитом сырья, и т. д.), в стратегическом плане в среднесрочной и долгосрочной перспективе после освоения новых газовых месторождений получают систему увеличения экспорта в КНР, а также в страны Южной Азии.

Исходя из понимания указанных выгод, в течение января 2023 г. Казахстан, Узбекистан и ПАО «Газпром» приняли дорожные карты по сотрудничеству. Сейчас дорожные карты предусматривают поставки газа из РФ по газопроводу Средняя Азия — Центр для покрытия внутренних потребностей РК и РУз. Очевидно, следующий этап реализации проекта будет включать обсуждение вопросов транзита российского газа в КНР или же увеличения его поставок Ташкенту и Астане для высвобождения казахского и узбекского газа для экспорта в Китай. В июне стало известно, что с октября 2023 г. Узбекистан начнет получать российский газ. Контракт на поставку УВ был подписан министром энергетики РУз Джурабеком Мирзамахмудовым и главой ПАО «Газпром» Алексеем Миллером на полях Петербургского международного экономического форума. Таким образом, Россия стала вторым

¹⁰ Казахстану придется остановить экспорт газа в Китай // <https://easdaily-com.turbopages.org/easdaily.com/s/ru/news/2023/02/28/kazakhstanu-prividetsya-ostanovit-eksport-gaza-v-kitay>, дата обращения 28.06.2023.

после Туркменистана поставщиком углеводородов в Узбекистан. Газ будет идти в Узбекистан через Казахстан по трубопроводу Средняя Азия – Центр. Вторым подписанным документом между Ташкентом и Газпромом стала дорожная карта по подготовке газотранспортной системы (ГТС) РУз к приемке и транспортировке российского газа через трубопроводы. Объемы поставок УВ сторонами не уточнялись, но эксперты полагают, что изначально он составит около 2 млрд куб. м в год (столько необходимо для покрытия дефицита внутреннего энергопотребления в осенне-зимний период).

На фоне активизирующейся работы по созданию газового союза Ашхабад не может оставаться вне этого процесса: возможно, активизация внешних связей (с Москвой, Анкарой, Пекином и Тегераном) по «газовой линии», наблюдаемая со второй половины 2022 г., является сигналом более глубоких изменений в нефтегазовой политике Ашхабада.

Туркменистан, исходя из своей привычной позиции общего нейтралитета, дистанцируется от обсуждения возможного участия в тройственном газовом союзе РФ, РУз и РК, однако одновременно в последние месяцы многие эксперты отмечают признаки разворота Ашхабада к российской топливной стратегии и, шире говоря, всего комплекса российско-туркменских отношений. В российском экспертном сообществе появились мнения о том, что параллельно с формированием тройственного союза Москва и Ашхабад ведут неафишируемые переговоры о выработке совместной стратегии создания возможного туркменского хаба для продвижения российского газа на внешние рынки Юга.

Экономист, член научного совета АНО «Афанасий Никитин» Александр Караваев так обозначил возможные дальнейшие перспективы участия Ашхабада в новой, начинающей формироваться сырьевой и газотранспортной системе Центральной Евразии: «Вокруг ТЭК Туркмении сохраняется главная внешнеполитическая интрига: как по-новому будет обустроено взаимодействие с Россией, которая теперь перенаправит значительную часть экспорта с европейского направления в Каспийский регион, на южные трубопроводы. Вероятно, российская сторона частично будет продавать сырье из туркменских месторождений, особенно перспективная группа которых – Галкыныш – содержит десятки триллионов кубометров топлива. То есть часть газа будет добываться в Туркменистане, но товарно он станет элементом российского экспорта» [Беличков, 2023b]. По мнению эксперта, пока сохраняется интрига, как будет организовано взаимодействие Москвы и Ашхабада, но с принятием данной модели Туркменистан может превратиться в региональный хаб продвижения российского газа на юг континента [Беличков, 2023a].

Фактором, подталкивающим Ашхабад к участию в формировании «нового пула экспорта» российских УВ, помимо практической заинтересованности туркменских властей в модернизации национальной газотранспортной сети, остаются и геоэкономические соображения: Туркменистан много лет

пытается нарастить экспорт газа, чтобы решить текущие экономические проблемы. Вся энергетическая дипломатия Ашхабада с первых лет независимости основывалась на стремлении к максимальной диверсификации своего газового экспорта.

Однако до настоящего времени, несмотря на гигантские запасы УВ, нестабильная региональная ситуация и ограниченное число экспортных газопроводов не позволяли туркменскому руководству конвертировать природные богатства в эффективный инструмент внешней политики и регионального влияния.

У Туркменистана, не сумевшего диверсифицировать поставки в три прошедших десятилетия, появляется сейчас некое «окно возможностей» в условиях, когда северо-западное направление российского газового экспорта, формировавшееся за счет поставок в ЕС (через украинскую территорию и системы «Северных потоков»), переключается на южные трубопроводы («Турецкий поток») и регион Каспийского моря (КМ). Впрочем, в данной схеме имеется немало барьеров, основными из которых остаются инфраструктурные ограничения: регион КМ не обустроен современной магистральной сетью доставки. Имеющаяся инфраструктура накладывает определенные ограничения, поскольку ее придется использовать в режиме реверса. В любом случае ясно, что в перспективе потребуются строительство новых масштабных мощностей для газового экспорта.

Интересы КНР и проект новой конфигурации газового экспорта

Пекин заинтересован в долгосрочном удержании ряда базовых экономических и геополитических позиций в Центральной Азии:

- сохранение внутривосточной стабильности в регионе, недопущение превращения его в фактор угрозы стабильности приграничных регионов КНР и китайским геоэкономическим интересам;
- минимизация рисков, связанных с объемами, ценами, ритмичностью поставок центральноазиатских УВ в Китай;
- сохранение эксклюзивного доступа китайского бизнеса к туркменскому трубопроводному газу.

Также, как представляется, важной для руководства КНР является возможность сохранения пространства для принятия решений в случае непредсказуемого в настоящее время изменения мировой обстановки. Например, возможный конфликт Пекина с Тайбэем или обострение вокруг Южно-Китайского моря (ЮКМ), безусловно, скажется на китайских энергетических и транспортных проектах в ЦА. Китайская модель экономического развития ориентирована пока на деятельность в мирных условиях, и переход к полноценному запуску энергоемкой оборонной промышленности потребует резкого увеличения импорта УВ. С учетом прогнозируемого

дальнейшего ухудшения ситуации вокруг морских транспортных потоков логично ожидать роста внимания Пекина к трубопроводным поставкам и, шире говоря, к проектам расширения масштабных сухопутных транспортных проектов. В случае же отсутствия в близкой перспективе горячей фазы конфликтов в Юго-Восточной Азии (ЮВА) ресурсы КНР, выделяемые на строительство континентальной энергетической сети-дублера, будут сохраняться на текущем уровне.

Более того, ряд экспертов полагает, что Китай в условиях продолжающегося вялотекущего противостояния с США будет уменьшать потребление УВ и вопрос лишь в том, с какой скоростью это будет происходить. На эту точку зрения работает не только вышеупомянутая стратегия Пекина по строительству низкоуглеродной экономики, но и существующая неопределенность в расстановке приоритетов КНР в связи с отношением к экспорту энергоресурсов. Например, исполняющий обязанности директора Института Дальнего Востока РАН Алексей Маслов, комментируя недавние официальные сообщения *Sinopec Corp.* о новых газовых «самых богатых месторождениях, открытых за последнее время» в Синьцзяне и на шельфе, считает, что, «по сути, Китай хочет понять, имеет ли смысл связывать себя экспортно-импортными операциями по газу (и частично по нефти), еще больше привязываясь к другим странам, или хотя бы частично обеспечить свой нефтегазовый суверенитет. По официальным данным, Пекин сейчас импортирует 71–72 % нефти и газа, то есть практически полностью зависит от внешних поставщиков. И хотя за последний год эта цифра снизилась на 3–4 %, в любом случае это несущественные изменения»¹¹.

Диверсификация экспорта энергоносителей рассматривается Пекином как подход, призванный обеспечить национальную безопасность. Аналитик из *Rystad Energy* Вэй Сюн указывает, что «китайским компаниям нужны различные опции импорта, чтобы минимизировать риски и придерживаться государственной стратегии диверсификации поставок»¹².

В Китае, очевидно, до настоящего времени нет четкого определения, какое из направлений — ориентация на собственный ресурс или расширение импорта УВ — является для страны магистральным в долгосрочной перспективе.

Параллельно в текущей ситуации для КНР имеет место фаза сокращения экспортных центральноазиатских ресурсов. Резкое сокращение экспортных возможностей Узбекистана является уже очевидным. В Казахстане рассма-

¹¹ Маслов: Туркменистану придется побороться за право поставлять газ в Китай // <https://ia-centr.ru/experts/darya-matyashova/maslov-turkmenistanu-pridetsya-poborotsya-za-pravo-postavlyat-gaz-v-kitay/>, дата обращения 31.05.2023.

¹² Дружба газом не пахнет: Китай не кладет контракты в одну корзину // <https://eadaily.com.turbopages.org/eadaily.com/s/ru/news/2023/02/15/druzhiba-gazom-ne-pahnet-kitay-ne-kladet-kontrakty-v-odnu-korzinu>, дата обращения 15.05.2023.

тривали вариант увеличения экспорта газа в Китай, но после кризиса января 2022 г. появилось большое количество заявлений о том, что экспорт будет возможным только при условии последовательного расширения ресурсной базы страны. «Дефицита газа в следующий осенне-зимний период не будет, он под контролем. Но только за счет отсутствия экспорта. С учетом роста потребления газа внутри Казахстана *QazaqGaz* не может рассчитывать на экспорт в следующий осенне-зимний период», — сказал на заседании общественного совета ФНБ «Самрук-Казына» зампрединдустрии *QazaqGaz* Арман Касенов. Он подчеркнул, что приоритет отдается газоснабжению республики и только потом газ будет экспортироваться¹³.

В целом Пекин уже можно уверенно отнести к числу бенефициаров неформального газового союза, поскольку именно КНР, являясь в кратко- и среднесрочной перспективе конечной точкой потоков УВ, идущих через и из ЦА, получит бесперебойные трубопроводные поставки природного газа. Подобная гарантированная определенность чрезвычайно важна в текущих условиях мировой экономической турбулентности.

Заключение

Туркменистан, как и другие республики региона, по мере роста мировой экономической и политической напряженности сталкивается с множеством вопросов, требующих серьезных решений. Безусловная ориентация на сохранение нейтралитета и сугубой герметичности экономики страны, по нашему мнению, в текущих условиях уже не является безусловно позитивной политикой для туркменской системы власти.

Несмотря на значительные доказанные запасы газа (13,6 трлн куб. м), Туркменистан не может отгородиться от нарастающих общерегиональных проблем, накопившихся за 30 лет после распада Советского Союза. К ним относится истощение запасов действующих месторождений, сложность и серьезная финансовая емкость новых добычных проектов (в частности, наиболее перспективная туркменская группа месторождений Галкыныш пока мало задействована в производстве газа и требует комплекса работ с многомиллиардными инвестициями), их отдаленность от существующей инфраструктуры. Разработка новых месторождений и обновление инфраструктуры требуют серьезных инвестиций. После кризиса января 2023 г. стало очевидным, что и экспортная инфраструктура региона нуждается в модернизации.

По оценке А. Гривача, на «старых» месторождениях Туркменистана существует высокая степень износа инфраструктуры и падение пластового давления. «Что касается новых проектов, то там зачастую речь идет о раз-

¹³ Казахстану придется остановить экспорт газа в Китай // <https://eadaaily.com/ru/news/2023/02/28/kazahstanu-pridetsya-ostanovit-eksport-gaza-v-kitay>, дата обращения 28.05.2023.

работке запасов с высоким содержанием серы. Что резко повышает требования к оборудованию и материалам, усложняя и удорожая капитальное строительство и последующую эксплуатацию»¹⁴, — указывает эксперт.

Эти потребности органично совпадают с меняющейся энергетической стратегией Москвы: поворот на Восток и высокая степень российской заинтересованности в увеличении поставок ресурсов, в первую очередь газа, в КНР работают на создание основ для новых крупных и взаимовыгодных проектов в Центральной Азии. Россия уже заявила о своей готовности участвовать в строительстве ТАПИ, разрабатывать месторождения на КМ и строить газохранилища в Туркменистане. Не исключено, что через Туркменистан пойдет российский газ в Китай, Пакистан и Индию. Более того, по мнению ряда экспертов, «в перспективе Ашхабад может подключиться к газовому союзу России, Казахстана и Узбекистана» [Панфилова, 2023b].

При этом не следует забывать о том, что в сегодняшних условиях и на краткосрочную перспективу реальное изменение состояния региональной трубопроводной сети во многом зависит от позиции Китая, востребованности китайской экономикой новых объемов УВ и от того, насколько успешно Пекин сумеет противостоять быстро усиливающемуся давлению на него западного блока.

Список литературы

Воловик Н. П., 2023. Страны Центральной Азии укрепляют сотрудничество с Китаем // Экономическое развитие России. Т. 30. № 5. С. 37–50.

Качелин А., 2023. Нейтралитет Туркменистана как фактор энергетической безопасности для России в Средней Азии // Энергетическая политика. № 5 (183). С. 54–67. DOI: 10.46920/2409-5516_2023_5183_54.

Хвостова М. О., 2023. Политика Китая в странах Центральной Азии в области освоения полезных ископаемых // Проблемы постсоветского пространства. № 10 (1). С. 57–66 // <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2023-10-1-57-66>.

Айтаков С., 2022. Президент Туркменистана едет в Россию за продовольствием. Сердар Бердымухамедов совершит первый официальный визит в Москву // https://www.ng.ru/vision/2022-06-07/5_8455_vision.html, дата обращения 07.06.2022.

Беличков Е., 2023a. Новые правила газового рынка Центральной Азии: Туркменистан остается «младшим партнером» // <https://ia-centr.ru/experts/evgeniy-belichkov/novye-pravila-gazovogo-rynka-tsentralnoy-azii-turkmenistan-ostaetsya-mladshim-partnerom-/>, дата обращения 21.05.2023.

¹⁴ Центральная Азия ищет выход из «газового тупика»: Туркменистан будет торговаться // <https://ia-centr.ru/experts/darya-matyashova/tsentralnaya-aziya-ishchet-vykhod-iz-gazovogo-tupika-turkmenistan-budet-torgovatsya/>, дата обращения 18.06.2023.

Беличков Е., 2023*б*. В Туркменистане обновили кабмин — с акцентом на нефтегазовый сектор // <https://ia-centr.ru/experts/evgeniy-belichkov/v-turkmenistane-obnovili-kabmin-s-aktsentom-na-neftegazovyy-sektor/>, дата обращения 02.06.2023.

Белухин Н., 2021. Туркменистан в газовом плену геополитики // <https://ia-centr.ru/experts/nikita-belukhin/turkmenistan-v-gazovom-plenu-geopolitiki/>, дата обращения 05.06.2023.

Кондратьев В., 2023. Состоялся государственный визит президента Туркменистана в Китай // <http://casp-geo.ru/sostoyalsya-gosudarstvennyj-vizit-prezidenta-turkmenistana-v-kitaj/>, дата обращения 02.05.2023.

Матяшова Д., 2023. Зачем Китаю нужен «газовый союз» России, Казахстана и Узбекистана? // <https://ia-centr.ru/experts/darya-matyashova/zachem-kitayu-nuzhen-gazovyy-soyuz-rossii-kazakhstana-i-uzbekistana/>, дата обращения 01.05.2023.

Мигунов Д., 2023. Китай давит на газ: почему цена топлива в этом году вновь вырастет // <https://iz.ru/1478094/dmitrii-migunov/kitai-davit-na-gaz-pochemu-tsena-topliva-v-etom-godu-vnov-vyrastet>, дата обращения 04.06.2023.

Мухамедов Р., 2021. Туркменистан — Россия: прорывы и пределы сотрудничества // <https://cabar.asia/ru/turkmenistan-rossiya-proryvy-i-predely-sotrudnichestva>, дата обращения 07.06.2023.

Нургожаев М., 2023. Китай и Туркменистан — три десятилетия дипотношений: что впереди? // <https://www.ritmeurasia.org/news--2023-01-14--kitaj-i-turkmenistan-tri-desjatiletija-dipotnoshenij-chto-vpered-64095>, дата обращения 23.06.2023.

Панфилова В., 2023. Москва заывает Ашхабад в Евразийский экономический союз. Российские инвестиции пойдут в Туркменистан, что позволит экспортировать газ из РФ в Китай, Пакистан и Индию // https://www.ng.ru/cis/2023-01-22/5_8640_moscow.html, дата обращения 22.06.2023.

Погребняк Е., 2023. Какую роль может сыграть туркменский газ в Объединенной энергетической системе ЦА // <https://www.ritmeurasia.org/news--2021-09-27--kakuju-rol-mozhet-sygrat-turkmenskij-gaz->, дата обращения 12.05.2023.

Саенко С., 2022. Дорога на Юг идет через Туркменистан. Россия может выйти на энергорынки Южной Азии с помощью Туркменистана // <http://infoshos.ru/ru/?idn=31833>, дата обращения 04.06.2023.

Чиждова Д., 2023. Как не замерзнуть Центральной Азии // <https://ia-centr.ru/publications/kak-ne-zamerznut-tsentralnoy-azii/>, дата обращения 23.06.2023.

GROZIN Andrey V., Candidate of Historical Sciences, Head of Department of Central Asia and Kazakhstan of Institute of the CIS Countries, Senior Researcher, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences.

Address: 2/1 Melnikov Ave., Khimki, Moscow region, 141410, Russian Federation.

E-mail: andgrozin@yandex.ru

SPIN-code: 5621-8571

TURKMEN-CHINESE ENERGY PARTNERSHIP IN THE CONTEXT OF GLOBAL GEO-ECONOMIC TURBULENCE

DOI: 10.48137/26870703_2023_23_3_64

Received: 17.07.2023.

For citation: *Grozin A. V.*, 2023. Turkmen-Chinese Energy Partnership in The Context of Global Geo-Economic Turbulence. – *Goeconomics of Energetics*. № 3 (23). P. 64–84. DOI: 10.48137/26870703_2023_23_3_64

Key words: Turkmenistan, China, Central Asia, Russia, gas, pipelines, exports.

Abstract

The article examines the current situation in the domestic political and economic spheres of Turkmenistan. The state of Turkmen-Chinese cooperation in the gas sector, as well as the role and place of Turkmenistan in the Central Asian energy system, is assessed. The transformations of the continental energy transportation system that have begun, the start of the creation of an informal gas union for the transportation of Russian gas to Asia create a radically new situation and opportunities for the Turkmen leadership both to deepen the existing economic ties and to realize new opportunities for export diversification. In the context of growing global geopolitical and geo-economic tensions, Ashgabat faces the need to make important foreign economic decisions in the very near future.

References

Volovik N. P., 2023. Central Asian countries strengthen cooperation with China // *Economic Development of Russia*. Vol. 30. No. 5, Pp. 37–50. (In Russ.)

Kachelin A., 2023. Turkmenistan's Neutrality as a factor of energy security for Russia in Central Asia // *Energy Policy*. No. 5 (183). Pp. 54–67. DOI 10.46920/2409-5516_2023_5183_54. (In Russ.)

Khvostova M. O., 2023. China's Mineral Resources Exploration Policy in Central Asia // *Post-Soviet Issues*. No. 10 (1). Pp. 57–66 // <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2023-10-1-57-66>. (In Russ.)

Aitakov S., 2022. The President of Turkmenistan is going to Russia for food. Serdar Berdimuhamedov will make his first official visit to Moscow // https://www.ng.ru/vision/2022-06-07/5_8455_vision.html, accessed 07.06.2022. (In Russ.)

Belichkov E., 2023a. New rules of the Central Asian gas market: Turkmenistan remains a «junior partner» // <https://ia-centr.ru/experts/evgeniy-belichkov/novye-pravila-gazovogo-rynka-tsentralnoy-azii-turkmenistan-ostaetsya-mladshim-partnerom/>, accessed 21.05.2023. (In Russ.)

Belichkov E., 2023b. Turkmenistan has updated the Cabinet of Ministers – with an emphasis on the oil and gas sector // <https://ia-centr.ru/experts/evgeniy-belichkov/v-turkmenistane-obnovili-kabmin-s-aktsentom-na-neftegazovyy-sektor/>, accessed 02.06.2023. (In Russ.)

Belukhin N., 2021. Turkmenistan in the gas captivity of geopolitics // <https://ia-centr.ru/experts/nikita-belukhin/turkmenistan-v-gazovom-plenu-geopolitiki/>, accessed 05.06.2023. (In Russ.)

Kondratiev V., 2023. The state visit of the President of Turkmenistan to China took place // <http://casp-geo.ru/sostoyalsya-gosudarstvennyj-vizit-prezidenta-turkmenistana-v-kitaj/>, accessed 02.05.2023. (In Russ.)

Matyashova D., 2023. Why does China need a «gas union» of Russia, Kazakhstan and Uzbekistan? // <https://ia-centr.ru/experts/darya-matyashova/zachem-kitayu-nuzhen-gazovyy-soyuz-rossii-kazakhstana-i-uzbekistana/>, accessed 01.05.2023. (In Russ.)

Migunov D., 2023. China presses on gas: why the price of fuel will rise again this year // <https://iz.ru/1478094/dmitrii-migunov/kitai-davit-na-gaz-pochemu-tcena-topлива-v-etom-godu-vnov-vyrastet>, accessed 04.06.2023. (In Russ.)

Mukhamedov R., 2021. Turkmenistan – Russia: breakthroughs and limits of cooperation // <https://cabar.asia/ru/turkmenistan-rossiya-proryvy-i-predely-sotrudnichestva>, accessed 07.06.2023. (In Russ.)

Nurgozhaev M., 2023. China and Turkmenistan – three decades of diplomatic relations: what's ahead? // <https://www.ritmeurasia.org/news--2023-01-14--kitaj-i-turkmenistan-tri-desjatiletija-dipotnoshenij-cto-vpered-64095>, accessed 23.06.2023. (In Russ.)

Panfilova V., 2023a. Kazakhstan and Uzbekistan will become transit countries of Russian fuel. Russia is laying a gas route to China through Central Asia // https://www.ng.ru/cis/2023-01-20/1_8639_asia.html?id_user=Y, accessed 20.01.2023. (In Russ.)

Panfilova V., 2023b. Moscow invites Ashgabat to join the Eurasian Economic Union. Russian investments will go to Turkmenistan, which will allow exporting gas from Russia to China, Pakistan and India // https://www.ng.ru/cis/2023-01-22/5_8640_moscow.html, accessed 22.05.2023. (In Russ.)

Pogrebnyak E., 2023. What role can Turkmen gas play in the Unified Energy System of Central Asia // <https://www.ritmeurasia.org/news--2021-09-27--kakuj-rol-mozhet-sygrat-turkmenskij-gaz>, accessed 12.06.2023. (In Russ.)

Saenko S., 2022. The road to the South goes through Turkmenistan. Russia can enter the energy markets of South Asia with the help of Turkmenistan // <http://infoshos.ru/ru/?idn=31833>, accessed 04.06.2023. (In Russ.)

Chizhova D., 2023. How not to freeze Central Asia // <https://ia-centr.ru/publications/kak-ne-zamerznut-tsentralnoy-azii/>, accessed 23.05.2023. (In Russ.)